

духовности возникает возможность более глубокого и сильного проникновения в различные сферы жизни. И Ромашов открывает не только трагедию забытых солдат, но и падение своих сослуживцев, нелепости, «искривленности» действительности вообще. Вот почему жестокие и к другим, и к себе мысли и поступки офицеров вырастают в воображении героя чуть ли не до сверхъестественной степени. А от автора следует обобщение: «Точно какой-то злой, сумбурный, глупый, яростно-насмешливый демон овладел людьми и заставлял их говорить скверные слова и делать безобразные... движения».

Долгое время критический пафос «Поединок» рассматривался как основная и единственная цель автора. Думается, это не так: писатель открыл драму заблудших людей и жажду высоких идеалов у Ромашова. Поручик вычленяет из «пестрого, движущегося, крикливого клубка» жизни истинные проявления человеческого. «Простой, печальный, трогательный мотив» панихиды вызывает слезы в «добрых, глуповатых глазах» Веткина. «Бережно, растроганным голосом» вторит ему Арчановский. Бек Агамалов благодарен Ромашову за то, что тот не разрешил ему, озверевшему от пьянства, зарубить женщину. Для автора и его героя одинаково дорога мысль об измельчании, искажении человеческой природы в условиях торжествующих зла и фальши. Вот почему Ромашов определяет единственное для себя достойное назначение жизни — «наука, искусство, свободный физический труд».

Скромная личность вырастает духовно, открывает извечные ценности бытия. Куприн видит в юности героя надежду на будущее преобразование мира. Однако Ромашов не успевает осуществить своей мечты и гибнет в результате предательства.

Подлинной силой человека, способной противостоять разрушительному действию лжецивилизации, для Куприна всегда была самоотверженная и чистая любовь. В работе о Кнуде Гамсуне писатель освещает три проявления любви: обвеянной «нежным целомудренным благоуханием», «могучий призыв тела» и «роскошные сады, где растут таинственные, наглые грибы». Куприн не отрицает возможность существования ни одной из этих форм, но подчеркивает ничтожность и презренность «всех усилий опутать ее (любовь.— Е. В.) цепями условности». Однако художник не прекращает поиска гармонического чувства. На этом пути и была создана повесть «Суламифь» (1908).

Писатель блистательно воспеваает не только силу тела, как расценили повесть некоторые современники Куприна. Духовное единение влюбленных столь велико, что каждый готов на самопожертвование ради другого. Поэтому умудренный, все познавший Соломон и юная пастушка Суламифь одинаково велики. Им, способным на столь редкое и гармоническое чувство, дарится возможность нравственного возвышения. Для Соломона это постижение иного смысла жизни, возможностей человека после пресыщения своим Знанием. Суламифь впервые открывает глубины мира и своего сердца.

Свой идеал Куприн искал в современной ему жизни, открыв преданную привязанность («Куст сирени», 1894), самоотверженную любовь («Олеся», 1898), благородную страсть («Осенние цветы», 1901). И все-таки писатель так и не увидел торжествующей любви, «крепкой, яко смерть». Даже Олеся, принеся себя в жертву во имя своего чувства к Ивану Тимофеевичу, не смогла пробудить в нем высокое, духовное начало. А сила любви для самого Куприна состояла именно в преобразении души.

Такое очищающее пламя горит в сердце скромного телеграфиста Желткова — героя повести «Гранатовый браслет». Его образ раскрыт в наивысшей точке внутреннего подъема. Однако, как видно из некоторых фраз Желткова, этому состоянию предшествовало длительное развитие. Сначала были письма с настойчивым желанием свиданий, поиски взгляда Веры Шеиной на балах и в театре. Затем — молчаливое «преклонение», но и уверенность, что «семь лет безнадежной вежливой любви дают право» хоть раз в году напомнить о себе. С этой целью и был послан Вере гранатовый браслет. Любимая, однако, сухо отказывает даже в смиренной просьбе остаться в одном городе с ней: «Ах, если бы знали, как мне надоела вся эта история». После требования мужа и брата Веры «исчезнуть» Желткову остается только небытие. Тем не менее он не опускается до слова упрека. Его душа наполняется прощением и примирением, более того — умиротворением. Не случайно Вера, прощаясь с покончившим с собой Желтковым, сравнивает выражение лица усопшего с лицом незабываемых людей — «как на масках великих страдальцев — Пушкина и Наполеона». Герой погибает, но величие его чувства в том и состоит, что даже после ухода Желткова из жизни оно пробуждает внутренние силы Веры. Эта метаморфоза и определяет смысл повести.

Княгиня Вера Николаевна — благородная натура, тонко чувствующая прекрасное, возвышенное. Однако ее «я» было погружено в некий самоуспокоенный сон, то есть в привычное, почти равнодушное к себе существование. Такое состояние сходно с осенним